

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВСТРЕЧИ

Ариадна Ладыгина

**Жизнь
сквозь призму
воспоминаний**

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2015

УДК 792.5(476)(092)
ББК 85.335(4Бей)
Л15

Ладыгина, А. Б.

Л15 Жизнь сквозь призму воспоминаний : Люди. События. Встречи / Ариадна Ладыгина. — Минск : Четыре четверти, 2015. — 450 с. : ил.

ISBN 978-985-7103-93-5.

Ариадна Борисовна Ладыгина, ученый, доктор наук, профессор, педагог и общественный деятель, уже хорошо знакома широкому кругу читателей как автор замечательной книги — документально-театрального романа «Лариса Помпеевна Александровская».

В своей новой книге «Жизнь сквозь призму воспоминаний. Люди. События. Встречи» она открывает удивительное пространство-время, наполненное интереснейшими событиями художественной (и не только) жизни страны второй половины XX века, которые представлены сквозь призму ее собственной уникальной творческой и личной судьбы.

УДК 792.5(476)(092)
ББК 85.335(4Бей)

ISBN 978-985-7103-93-5

© Ладыгина А. Б., 2015
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2015

*Памяти
Василия Васильевича Гринина*

ВВЕДЕНИЕ

Длинная цепь событий, фактов, бесконечных встреч — не из этого ли состоит человеческая жизнь? Не они ли определяют ее течение? Не есть ли это вообще с а м а ж и з н ь? Об этом думалось мне, когда после длительного перерыва, обусловленного подготовкой к изданию и изданием материалов, непосредственно связанных с моей профессиональной педагогической и музыкально-критической деятельностью, я решила продолжить мемуары. Не все, далеко не все, кажущееся мне важным и значительным из пережитого, нашло отражение в состоявшихся публикациях, оказалось зафиксированным, а потому и доступным (как, впрочем, любое теоретическое исследование) вниманию сравнительно небольшого круга заинтересованного читателя. Оставалась нераскрытой, неизменно ускользала внутренняя, скрытая от постороннего взора сущность происходящего, его сокровенные движущие пружины. Стремление трезво взглянуть на происходящее, объективно и правдиво его оценить неизбежно сказалось на характере изложения, определило его стиль. И хотя автора данных строк можно справедливо упрекнуть в ряде других огрехов и просчетов, но только не в бесстрастности оценок и отсутствии собственного, так сказать, личностного отношения к излагаемому, тем не менее субъективное за объективным оставалось недостаточно раскрытым, а индивидуальное и неповторимое скрывалось за общезначимым, всеобщим.

Книга «От скрипки к эстетике. Страницы жизни» (одна из моих последних работ, опубликованная в 2012 году минским издательством «Четыре четверти»), жанр которой определен автором как мемуарная публицистика, весьма характерна в этом отношении. Она в известной мере автобиографичная, охватывает долгий творческий и жизненный путь автора. Минск, Саратов, Москва, Казань, снова Минск... Сколько в ней перипетий сугубо личного характера, захватывающих событий, неповторимых фактов и удивительных встреч! Но это не есть собственно мемуары, мемуары как таковые. Это — мемуарная *публицистика*. Становление личности музыканта-профессионала, пути преодоления неизбежной узости его профессионального кругозора, насущная необходимость сбережения накопленных традиций, преемственность как объективная закономерность художественного (впрочем, как и всякого иного) развития. Вот что было главным в книге, вот что прежде всего волновало автора. Хотелось поделиться накопленным и (позволю себе честно признаться) глубоко выстраданным опытом педагогической практики.

Насколько это удалось осуществить (или не осуществить!), пусть скажут прочитавшие книгу. Путь ОТ СКРИПКИ К ЭСТЕТИКЕ действительно нелегок (как, впрочем, и отнюдь не обязателен). О том же, ЧТО конкретно скрывается, ЧТО прячется за объективными процессами художественной практики, ЧЕМ именно

определяется тот или иной их поворот и неповторимый индивидуальный облик, об этом убедительнее говорит НЕ ЭСТЕТИКА, а художественная практика, ИСКУССТВО как такое. И тут вполне уместен обратный поворот: не от скрипки к эстетике, а от эстетики — к скрипке (читай: к ИСКУССТВУ). Именно оно, и, может быть, только оно способно сохранить всю полноту действительности, все неисчерпаемое богатство жизненных красок. Передавая общее, существенное, закономерное, искусство в то же время сохраняет индивидуальное, своеобразное, неповторимое. Именно этим и определяется неиссякаемый жадный интерес художника к жизни в самых различных ее проявлениях. Мемуарная литература, фиксируя события, имевшие место в реальной действительности, тоже сохраняет всю полноту проявлений жизни, обогащая память художника, пополняя новым материалом «хранилища, сараи <человеческого> черепа» (Маяковский). Мемуары сами по себе, конечно, не искусство.

Чтобы стать им, они должны быть прочувствованы, переосмыслены, пережиты художником, одухотворены его талантом и творческой фантазией. Для художника мемуары — лишь подсобный, вспомогательный материал. Но думается, что мемуарная литература как жанр и сама по себе не лишена познавательной ценности, имеет право на автономное существование. Более того, в иных условиях она оказывается необходимой, подчас становится модой. Это особенно ощутимо в периоды крутой ломки общественных отношений, нарушения привычных, устоявшихся норм жизни. Не такой ли именно период переживает ныне постсоветское общество, лишившееся своей идеологии, каких бы то ни было социальных ориентиров, утерявшее гуманистические идеалы? Не в этом ли объяснение потребности мемуаристики, обостренного социального интереса к тому, ЧТО БЫЛО? «Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад — шагаем вперед». Это Герцен. Он характеризует взаимопроникновение времен в искусстве. И не только в искусстве!

Опыт прошлого, скажу я, заканчивая свой небольшой экскурс, предваряющий ход дальнейшего повествования, в какой бы сфере человеческой деятельности он ни проявлялся, не может не быть перспективным. Он помогает бережно хранить память о былом, оживляет в сознании не столь далеко ушедшее прошлое, возвращает к жизни забытые имена. Пусть не смущает читателя тот факт, что автор ведет повествование от собственного имени. (А как это сделать иначе?!). Жизнь автора в данном случае интересна не сама по себе. Она, как и жизнь любого человека, несет отпечаток своего общества, времени, определенной сферы профессиональной деятельности. И если сквозь долгую вязь жизненных перипетий, событий и встреч читающий эти материалы уловит их внутренний стержень, автор будет вполне удовлетворен.

Это, так сказать, дальний прицел, заставивший автора зафиксировать долгий (без малого девять десятилетий) опыт жизни, связанной с искусством, музыкой, с преподаванием эстетики. Кардинальное реформирование учебных планов

Белорусской консерватории (нынче Академия музыки) в преподавании общественных наук; профилированное преподавание музыкантам философии и эстетики; возрождение забытого курса философии музыки (его начало в свое время положили Платон и Аристотель, продолжили Кант и Гегель, пытался воскресить Лосев) и 25-летний опыт его чтения; наконец, целенаправленная подготовка через аспирантуру педагогических кадров данного профиля (из музыкантов!) — лишь некоторые вехи из жизни одной из так называемых идеологических консерваторских кафедр — кафедры философии. Бесконечная чехарда с ее переименованием — кафедра *марксизма-ленинизма*, кафедра *общественных наук*, кафедра *философии*, снова кафедра *социально-гуманитарных наук* (в обиходе с легким презрением — «соцгум») — отражает лишь путаницу в человеческих головах. Что из задуманного удалось осуществить мне и моим коллегам-единомышленникам по кафедре и ученикам? Удалась ли кафедре и ее многолетнему руководителю эта перестройка? Уловимы ли практически, хоть в какой-то степени, следы ее главной социальной функции — **формировать мировоззрение музыканта, расширять его профессиональный кругозор, просвещать?**

Впрочем, есть еще и другой, близкий и реально осуществимый прицел, объясняющий человеческую тягу к мемуарам. Это прицел сугубо личный, внутренний, семейный (так сказать, для домашнего употребления). Воссоздать родословную, выстроить генеалогическое древо, сохранить память *о* близких и *для* близких тебе людей. Это вполне осуществимо и доступно каждому, имеет непосредственно практическую значимость, объясняет многое в жизни того или иного человека. Я выросла в семье, где любили, ценили и знали искусство — литературу, живопись, архитектуру, музыку, хотя профессионально искусством не занимались. Отец — инженер-путеец, мать — учитель словесности. Почти полвека прожила в браке с философом (муж окончил Саратовский университет), тоже далеким от профессионального искусства человеком. Мы родили и воспитали двоих детей. Дочь и сын окончили физфак МГУ, работают в сфере, близкой им по специальности. Оба в свое время закончили и музыкальную школу по классу фортепиано (сын в старших классах был даже переведен на теоретическое отделение специальной музыкальной школы при консерватории). Трое из четверых внуков, как и дети, — выпускники МГУ (два физика, третий — журналист). Четвертый, самый младший, активно «ищет себя» в сфере операторской съемки и фотографии. И хотя все четверо тоже достаточно успешно учились музыке и постоянно музицируют в своем молодежном кругу и дома (пианино, синтезатор, гитара, рок-музыка), их игра остается на уровне самодеятельности. Но зато, к моей великой радости, по мере взросления у всех четверых начинает активно проявляться интерес к родословной, к своим истокам и жизненным корням. Не в состоянии полностью удовлетворить любознательность 25-летних, ибо располагаю сведениями, восходящими в основном к XX веку и лишь отчасти — к веку XIX. Для них это три-четыре поколения их предков. Однако думаю, что и полтора-два столетия — срок немалый и достаточно значимый. Основные события текущей жизни двух старших поколений (родители и деды) в самой общей форме им знакомы (живое общение с детьми и внуками — в традициях семьи). Многое к тому же узнаваемо из моих публикаций биографического характера. При всем том непосредственная картина жизни, сама жизнь в целом, со всеми ее подробностями, неожиданными поворотами и нюансами, остается для них неведомой. Вот вам и повод взяться за перо (сесть за компьютер) и предаться воспоминаниям, воскресить, не мудрствуя лукаво, то, что бережно хранит память. И тем самым, быть может, продлить собственное существование.

ПРОЛОГ

Корни. Предки. Традиции

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ? ПЕТРОГРАД. 1914–1918

ЗНАКОМСТВО В БЕЛОРУССКОМ ЗЕМЛЯЧЕСТВЕ

Мне 88 лет. Родилась я в 1927 году в семье инженера-дорожника Бориса Ивановича Ладыгина, выпускника Петербургского института инженеров путей сообщения императора Александра I (таково официальное наименование этого вуза в дореволюционные годы), и коренной минчанки Ариадны Помпеевны Александровской, окончившей, тоже в Петербурге, Высшие женские Бестужевские курсы. Честно признаюсь: я недооценивала роль и значение Бестужевских курсов в образовании своей мамы. Да и мама, имея диплом об их окончании, никогда особенно этого не афишировала. Только сейчас, в процессе работы над мемуарами, я удивилась собственному невежеству и попыталась его ликвидировать.

Я узнала, что демократическая интеллигенция России издавна вела борьбу за право женщин на высшее образование. И в 1878 году в Петербурге усилиями русского общественного деятеля и ученого А. К. Бекетова открылось первое высшее женское учебное заведение, по существу сыгравшее роль первого русского университета для женщин. Ему было присвоено имя выдающегося русского историка, профессора Петербургского

университета К. Н. Бестужева-Рюмина. Его и считали официальным учредителем курсов, он же и возглавлял их с 1878 по 1882 год. В составе учебного заведения было два факультета — физико-математический и историко-филологический. Окончившие получали право преподавать в женских гимназиях и школах, а также в младших классах мужских гимназий. Курсы не финансировались правительством, которое крайне недоброжелательно относилось к идее существования подобного учебного заведения. (Его окончили, кстати, такие революционные деятели, как Крупская, Елизарьева-Ульянова, Фотиева). В 1886 году курсы были вообще ликвидированы, но под давлением общественности возобновили деятельность на рубеже XX столетия. Вот там-то на отделении французского языка и училась моя мама.

Познакомились родители в 1914 или 15-м году, по-видимому, первокурсниками, то есть в самом начале Первой мировой войны. Общались на протяжении нескольких лет в студенческом кружке, существовавшем тогда (уже в Петрограде) при Белорусском землячестве. Они были ровесники, попали в российскую столицу в силу различных обстоятельств. Борис Ладыгин, окончив в июне 1914 года (буквально накануне войны) 8-й класс мужской гимназии города Ломжи (б. Ровенская губерния), поступал в путейский институт. В городе Сквире (в 120 км юго-западнее Киева), где 29 января 1896 г. и родился Борис, в одной из частей царской армии служил военным врачом его отец, Иван Андреевич Ладыгин. В Остроге Волынской губернии, куда вскоре перевели отца (и где Борис окончил семь классов гимназии), восьмилетней мужской гимназии, дающей право на поступление в вуз, не было. А в Ломже — была. Вот и пришлось 16-летнему юноше с сентября 1913 года вести самостоятельный образ жизни далеко от родительского дома.

Война, начавшаяся 1 августа 1914 г., разрушила жизнь семьи Ладыгиных, оказавшейся в эпицентре военных событий, разметала по свету ее членов. Борис, окончив гимназию, успел уехать в Петербург (ставший с этого времени Петроградом). В действующей армии, прямо на фронте, в 1916 году умер его отец (по официальной версии — от туберкулеза легких). От голода и тифа в том же году скончалась в холодном предреволюционном Петербурге и мать, Александра Федоровна Ладыгина. В связи с началом

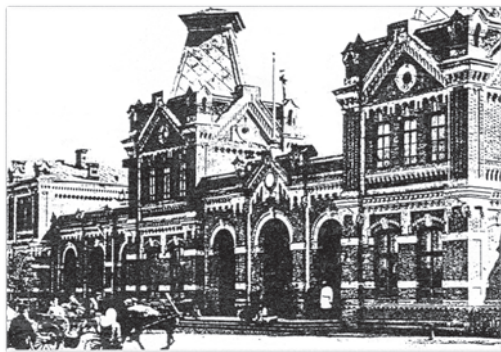
*Борис Ладыгин.
1914 г.*

*Ариадна Александровская.
1914 г.*

военных действий на Украине она с младшей дочерью Ольгой (девочка с детства была болезненной, формировался небольшой горб, отчего очень страдала) эвакуировалась в свой родной город. Валентина, старшая дочь, почему-то оказалась одна в Балакове (на Волге). Третья дочь Инна (будущий врач-хирург, а тогда студентка Петербургской военно-медицинской академии) добровольно ушла на фронт в качестве сестры милосердия. Борис, четвертый (и долгожданный) ребенок в семье, единственный мальчик, привыкший с младых ногтей жить в благополучии и достатке, в одночасье осиротел. Оказавшись в чужом городе без какой бы то ни было материальной поддержки, вынужден был самостоятельно зарабатывать на жизнь, не оставляя в то же время (вплоть до 1918 года) учебу.

Ариадна Александровская, к тому времени тоже окончившая гимназию (Мариинскую женскую в Минске), оказалась в Петербурге в связи с эвакуацией. В августе 14-го года германская армия, наступая, приближалась к Минску. Ольга Николаевна Александровская, ее мать, со своими детьми (их было тогда пятеро, мал мала меньше) едва успела покинуть родной город накануне его оккупации. Непростую эвакуацию помог осуществить давний друг ее мужа и сосед по дому Василий Илларионович Павлов. Помпей Васильевич Александровский к тому времени с семьей уже не жил. Прослужив долгие годы в Минске в качестве успешного чиновника Либаво-Роменской железной дороги, был направлен в длительную командировку на Север (строилась железнодорожная линия Вологда — Архангельск). В летний период присылал в Минск за семьей специальный железнодорожный вагончик. Дети восторженно воспринимали увлекательное многодневное путешествие в Архангельск, к отцу.

Железнодорожный вокзал

Старый Минск: Мариинская женская гимназия. Здание сохранилось

А позже, уже в период эвакуации семьи и ее дальнейшей жизни в Петрограде, Александровский неизменно помогал жене материально, оплачивал квартиру, обучение детей в гимназии. Но семья как таковая постепенно распалась. Заботу об эвакуации, таким образом, взял на себя благородный минский друг отца.

Почтовая контора, которую возглавлял Василий Илларионович, была своевременно эвакуирована в Петроград. Там же вскоре оказалась и Ольга Николаевна с детьми. Жили недалеко от Петропавловской крепости, на Зверинской улице. Четверо младших (Лидия, Василий, Лариса и Арсений) посещали гимназию. Старшая, Ариадна (домашние называли ее Диной), поступила на курсы. Окончив, работала преподавателем французского языка в одной из мужских гимназий. Как старшая из детей помогала матери поднимать младших.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ И БОРИС ИВАНОВИЧ ЛАДЫГИНЫ. ОТЕЦ И СЫН

Сейчас, когда я всерьез принялась за воспоминания, выяснилось, что сведения мои о родителях, увы, ограничены. Очень мало знали мы, три дочери Ладыгина, о семье своего родителя. В отличие от мамы, которая была словоохотлива и многое рассказывала нам, своим детям, о собственном детстве и о жизни своих родителей, папа не был разговорчив. Мне удалось сохранить в памяти лишь отдельные штрихи, разрозненные эпизоды из его детских лет. Он умер более тридцати лет назад (в 1981 г.), и я теперь бережно извлекаю их из памяти, пытаюсь воссоздать некую общую картину. Неоценимое подспорье в этой моей едва ли не безнадежной попытке — чудом сохранившаяся в старой папке с документами отца его потрепанная записная книжка. Она сама по себе замечательна. Это не обычная записная книжка (в нашем, современном понимании). Она называлась «Товарищъ. Календарь для учащихся на 1913–1914 учебный год» (издатель Отто Кирхнер. СПб.) и была чем-то вроде своеобразной энциклопедии, предназначенной тем, кто оканчивал гимназию, реальное училище или среднюю школу и собирался продолжать образование. А ведь это как раз и есть мой отец! Да и год (1913–1914) в своем роде удивительный, уникальный! Август 1914-го — начало мировой войны, трагедия поистине общечеловеческая. А я со своими воспоминаниями попадаю, таким образом, едва ли не в центр событий, столетие со дня которых человечество отмечало летом 2014 года!

Ценность этой записной книжки, своеобразного документа эпохи, многократно возрастает для меня благодаря тому, что рукой 16-летнего подростка в ней даются ответы не только на стандартно-анкетные вопросы (фамилия, имя, год рождения, адрес, физическое развитие, состояние здоровья), а содержатся самые разнообразные, прямые или косвенные, сведения дневникового характера: интересы юноши, его учеба в гимназии, увлечения вне гимназии, фамилии и адреса друзей, переписка и многое другое. Свой последний гимназический год отец жил вне дома, без родителей,

в чужом для него городе. Это не могло не сказаться на формировании его характера, привычек, убеждений. И я, тщательно вглядываясь в записную книжку, рассматривая (порой через лупу) полустершиеся карандашные пометки, сделанные его рукой, разгадывая смысл, расшифровывая иероглифы начинающего жизненный путь совсем юного человека, пытаюсь спустя столетие увидеть в них своего отца.

Вязьма — родной город Ивана Андреевича Ладыгина. Его отец, Андрей Ладыгин (отчество не сохранилось), — вяземский купец, живший в этом многострадальном старом русском городе, находящемся на полпути из Смоленска в Москву и не раз оказывавшем сопротивление вражескому нашествию (будь то войска Великого Княжества Литовского, солдаты Наполеона или инициаторы двух мировых войн XX ст.).

В первые послевоенные годы мы с отцом на его автомашине «Победа», двигаясь из Саратова в только что освобожденный Минск, специально завернули в Вязьму. Город лежал в руинах, на месте ухоженных когда-то купеческих особняков — свалка разбитых кирпичей, зияющие провалы подвальных сводов. Не знаю, что хотел здесь увидеть мой отец, что он искал и о чем думал, пробираясь через завалы, рвы и ухабы города, где жил когда-то его дед (которого он, кстати, не знал и не видел) и где родился и учился в гимназии его родной отец. Но мне почему-то больно щемило сердце (только что закончившаяся Великая Отечественная совсем недавно унесла жизнь всех трех его сестер, он стал круглым сиротой).

Чем конкретно занимался в Вязьме Андрей Ладыгин¹, на чем строил свой купеческий бизнес, чем торговал, это осталось мне, как, впрочем, и моему отцу, неизвестно. Как символ его памяти в нашей семье хранилось несколько серебряных чайных ложечек с изящно выгравированными инициалами владельца — А. Л. (две последние ложечки четверть века тому назад я подарила своим внукам, следовательно, его прапраправнукам). Но уже то, что купеческий сын из заштатного провинциального города (очевидно, до того окончив вяземскую гимназию) отправился в Санкт-Петербург и поступил не куда-нибудь, а в один из престижнейших

¹ Я специально не занималась историей происхождения фамилии Ладыгиных, сравнительно редко встречающейся. Но, побывав в одном из древнейших городов тверской земли Кашине, весьма заинтересовалась именем местнотимой святой Дорофеи Ладыгиной. Это имя, бережно хранимое в Кашине, прочно связано с временем польско-литовского нашествия начала XVII ст., когда захватчики жестоко разорили и дотла сожгли город, добравшись вглубь России — до самой Волги! Кашин тогда стал одним из центров формирования ополчения Минина и Пожарского. В борьбе с дерзким врагом при обороне города погибли муж и сын Дорофеи Ладыгиной. А она сама, происходившая из богатого княжеского рода Коркодиновых, отдав все свое имущество на восстановление города, ушла в Сретенский монастырь, где и прожила до 80 лет. На могиле схимо-игуменьи Дорофеи, по преданию, совершаются чудесные исцеления. А в XIX в. над местом ее погребения на средства кашинской купчихи А. Вончаковой была построена часовня. Как знать, не существовали ли какие-либо торгово-благотворительные связи между купечеством заволжского Кашина и старой Вязьмы?

Иван Андреевич
Ладыгин

старейших высших учебных заведений России, многое говорит и о сыне, и о его родителе. Императорская военно-медицинская академия была основана в 1798 году и числилась по Военному ведомству. Обучающиеся в ней именовались не студентами, а слушателями (два первых курса — вольноопределяющимися, а три старших — заурядврачами). Две трети слушателей обучались в академии за счет казны. Но при приеме осуществлялся целый ряд ограничений. Цитирую выдержку из подлинного документа того времени: «К приему в Академию *не допускаются*: 1) иностранные подданные, 2) сыновья и внуки лиц (мужск. и женск. пола), родившихся въ иудейской вере».

Где работал и где жил первые годы после окончания академии Иван Андреевич Ладыгин, бывал ли он позднее в Вязьме или не бывал, узнать не довелось. Но мы все в семье почему-то привыкли считать его, как и его жену, едва ли не коренным петербуржцем. Александра Федоровна, судя по сохранившимся фотографиям, производила впечатление отнюдь не провинциальной барышни, но благородной интеллигентной петербургской дамы. Иван Андреевич какое-то время после окончания академии, по-видимому, жил и работал в Петербурге, а затем, уже женатым, как опытный специалист был направлен в Малороссию в армейский госпиталь. Год его рождения выяснить не удалось. И даже замечательная папина записная книжка, с точностью до месяца и дня зафиксировав годы рождения и дни именин Александры Федоровны, а также всех трех его сестер, ничего не сказала об отце! Зная в точности год рождения А.Ф. (а это 1856 год), можно высказать предположение, что Иван Андреевич родился не позднее 1850 года, а дипломированным врачом стал не ранее 1875-го. Венчание могло состояться в Петербурге в начале 80-х, а дети появились на свет уже на Украине несколько позже: 1883-й — Валентина, 1888-й — Инна, 1892-й — Ольга, 1906-й — Борис. Довольно высокий социальный статус военного врача крупного воинского подразделения требовал обязательного предоставления ему и его семье благоустроенной мебелированной казенной квартиры, ряда бытовых услуг, личного денщика, домашней прислуги, обеспечения транспортом и др.

Много позже, уже после смерти отца, я узнала (причем от своих детей — его внуков) о том, что Иван Андреевич Ладыгин за свои

Александра Федоровна
Ладыгина

служебные заслуги был удостоен так называемого *личного дворянства* (в отличие от *сословного дворянства* оно не передавалось по наследству). Я была очень удивлена, узнав эту «новость»: почему родители никогда не говорили об этом факте? Впрочем, вспомнив ситуацию, в которой росла, быстро нашла объяснение умолчанию. Какой безумец стал бы афишировать свое дворянское, а не рабоче-крестьянское, или пролетарское, происхождение! В анкете писалось в лучшем случае: «из служащих».

Дошкольное предгимназическое образование детей осуществлялось дома (в гимназию принимали с десятилетнего возраста — при наличии довольно значительной подготовки). Домашний режим был строго обусловлен.

Авторитет родителей непререкаем, что, впрочем, отнюдь не мешало искренним и сердечным взаимоотношениям. Воскресные церковные службы, например, регулярно посещались всей семьей. Пение большого сводного хора под гулками сводами древней Богоявленской церкви в Остроге, куда отца перевели из Сквиры, поражало воображение, запомнилось маленькому Боре на всю жизнь. Оттуда же, очевидно, и его позднейший непреходящий интерес к древнерусскому церковному зодчеству, ранним проявлением которого как раз и является Богоявленская церковь XII в. У подножия Красной (Замковой) горы в Остроге, где она расположена, сохранились живописные развалины бывшего замка князей Острожских (XIV–XV вв.), которые не могли не вызывать живого интереса острожских мальчишек.

Из воспоминаний отца о жизни в Остроге. Любил бывать на военных парадах (да и на повседневных войсковых занятиях), которые регулярно проходили на огромном плацу гарнизона. Восхищали кавалерийские кони с гарцевавшими на них всадниками. Звучание горна, как и полковых духовых оркестров, запало в душу с ранних лет. А дома увлекался охотничьими собаками, которых держал отец. Часто вспоминал двух собачек, из которых мне запомнился пес по кличке Марсик. В гимназию, которая располагалась довольно далеко от дома, ходил пешком (в женскую гимназию, которая была тоже далеко, сестер возили на извозчике). В этой связи папа любил с усмешкой вспоминать одного своего одноклассника Алешку Антонова, который жил совсем рядом с гимназией, но постоянно жаловался зимой, что мерзнет от холода. «Хорошо тебе, Борис, — говорил

Боря. 1900 г.

1906 г.

*Инна Ивановна Ладыгина.
1912 г.*

он при этом. — Ты идешь-идешь — и согреешься! А я выскочил — и замерз!» Эта приговорка дурашливого гимназиста прижилась в нашей семье, часто со смехом вспоминалась в той или иной ситуации. А между прочим, этот маленький смешливый гимназист из Острога спустя десятилетия станет известнейшим советским полководцем — генералом армии, начальником Генерального штаба Советской армии!

Лето 1913 года сулило семье Ладыгиных большие перемены. Инна к тому времени уже жила в Петербурге. Волевая, целеустремленная девушка единственная из сестер пошла по стопам своего отца, поступив на хирургическое отделение той же Императорской Военно-медицинской академии. Это был незаурядный поступок. Женщин принимали в высшие учебные заведения России весьма неохотно. К тому же было необходимо, как и мужчинам, получить полноценное восьмиклассное гимназическое образование. Но такого женские семиклассные гимназии не давали. И Инна, таким образом, была вынуждена получить его (возможно, в той же Ломже) экстерном. Борис, окончив в июне Острожскую семиклассную гимназию, поступил в 8-й класс гимназии Ломжи. Почему именно туда? Ведь Ломжа достаточно далеко от Острога, она на территории нынешней Польши, много западнее Белостока. Пытаюсь для себя понять ситуацию. И нахожу вполне убедительный ответ. До 1917 года и Сквир, где родился Борис, и Острог, где затем жила семья его отца, и Ломжа, где он провел свой последний гимназический год, это территория Российского государства. Там до начала Первой мировой войны размещались воинские подразделения царской армии, а также их медицинские учреждения. Правда, сам военврач Ладыгин в Ломже не служил. Однако адрес, по которому там проживал его сын, говорит сам за себя. Хотя по записной книжке Бориса, о которой уже шла речь, удалось разобрать далеко не все, слово *«лазарет»*, как и следующее за ним пояснение — *«в доме вдовы доктора...»* (далее неразборчиво), вполне читабельны.

И еще один аргумент (на мой взгляд, самый убедительный из всех других) в пользу Ломжи: *высокий общеобразовательный уровень* преподавания в мужской гимназии города. Судя по записной книжке Бориса Ладыгина, в гимназии действительно во всем царил идеальный порядок. Гимназистам были известны все «начальствующие лица» — от классного наставника и воспитателя до директора гимназии, ее попечителя и гимназического доктора. Перечень начальствующих лиц начинался с имен товарища Министра и самого российского Министра просвещения. Список учителей 8-го класса гимназии, в которую поступил Борис (фамилия, имя, отчество, даже домашний адрес), свидетельствует, что *женщин среди них*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ПРОЛОГ	
Корни. Прегки. Трагичии	
С чего все началось? Петроград. 1914–1918	8
Знакомство в белорусском землячестве	8
Иван Андреевич и Борис Иванович ЛАДЫГИНЫ. Отец и сын	11
Николай Иванович и Софья Игнатьевна ДАЩИНСКИЕ. Прародители мамы.....	19
Ольга Николаевна и Помпей Васильевич АЛЕКСАНДРОВСКИЕ. Родители мамы	26
Василий Андреевич АЛЕКСАНДРОВСКИЙ и его сыновья	32
Снова Петроград. Родители до свадьбы. Продолжение	37
Архангельская эпопея семьи Александровских. Июль 1918-го — сентябрь 1919-го	43
Родители после свадьбы. 1919–1926. Скитания	45
Александров Гай. 1920–1921. Дочь Таня	47
От Москвы до Урала. 1921–1926. Ольга родилась	50
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	
Начинается новая жизнь. Утро. Скрипка. 1927–1950	
Глава 1. МИНСК. 1927–1938	
Красная улица, дом 11	54
Уже со скрипкой. Александр Александрович ВИВЬЕН	66
В общеобразовательной школе. «Письмо белорусского народа Великому Сталину»	72
Купили газик!	77
Пожар!	80
Папу арестовали	82
Глава 2. САРАТОВ. 1938–1946	
Город на Волге (не на Свислочи же!). Обживаемся в САДИ	85
На институтских дачах. Чудесный папин патефон. ЦМШ	89
Детский санаторий в Крыму. Декабрь 1940-го — июнь 1941-го	92
ВОЙНА! Незабываемые реалии и особенности выживания	95
В музучилище и консерватории. Викентий Викентьевич ЗАЙЦ	106
Дела сердечные. Конкурс. Прощание с Саратовом	113
Глава 3. МОСКВА. 1946–1950	
Проводы на саратовском вокзале	118

Московская консерватория.	
В классе Льва Моисеевича ЦЕЙТЛИНА	119
Февраль 1948-го. Роковое постановление и его последствия	123
Лето 1949-го. Последние каникулы. В. В. ГРИНИН	126
Отдаленные последствия встречи на пляже	129
Июнь 1950-го. Консерватория окончена. Прощание с Москвой	135
Возвращение домой. Свадьба. Начало трудовой деятельности	138

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

От скрипки к эстетике. Поиск. 1951–1958

Глава 1. СНОВА МОСКВА. АСПИРАНТУРА. 1951–1955

На кафедре философии. Виктор Константинович СКАТЕРЩИКОВ	150
Первые шаги к новой профессии	154
«Ходынка» 1953 года	156
Аспирантские будни. «Коммуна» на Кисловке. Друзья	157

Глава 2. КАЗАНЬ. КОНСЕРВАТОРИЯ. 1955–1958

Первое знакомство. Назиб Гаязович ЖИГАНОВ	165
Старший преподаватель вуза. Эстетик! Проба пера	167
Защита диссертации. ГИТИС. Тамара Николаевна ЛИВАНОВА	172
Озеро Яльчик. Братья ЛУНДСТРЕМ	175
Последний год в Казани. Дочь родилась. Саратовская авантюра	179
Минск зовет!	185

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Длинный-глинный день. Эстетика. Новые горизонты. Минск. 1958–2004

Глава 1. В БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. 1958–1963

Сектор музыкального искусства ИИЭФ	190
Музыкальная критика и ее извечные проблемы. «Пакараны, ды не той!»	195
Безмятежное лето 1958-го. В Витебск за песнями	201

Глава 2. КАТАСТРОФА 17 ДЕКАБРЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. 1958–1962

Трагедия у деревни Жуков Луг. Мучительное полугодие	207
Дачная эпопея	213
Минск — Гомель — Орша — Минск. 1959–1962. Испытание воли	216
Пять писем СТАСОВОЙ	224
Жизненные перипетии шестидесятых. В семье и на производстве	241

Глава 3. ПРЕОДОЛЕНИЕ

Кавалерийская улица. На «Яве» на Кавказ	244
---	-----

В водовороте событий. Тринадцатая симфония Шостаковича.....	248
Противостояние	251

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Эстетика. Белорусская государственная консерватория им. А. В. Луначарского. 1963–1972

Глава 1. В РОДНОЙ СТИХИИ

На кафедре марксизма-ленинизма.	
Первые впечатления. Новации	256
Кадровые перспективы. В философию — из музыки	259
Подметное письмо. Кредо ОЛОВНИКОВА	261

Глава 2. ЛЕТО 1965 года. ПУТИ-ДОРОГИ

Дети: Таня и Сережа	265
От Минска до Батуми и обратно. Мать-авантюристка	267
С дедушкой в Ленинград	271

Глава 3. НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ.

ОТ КАНДИДАТСКОЙ (1967) — К ДОКТОРСКОЙ (1972)

Дилижан. В Доме творчества.	
Зофья ЛИССА	273
В. В. ГРИНИН. Диссертация защищена.	
Э. А. БАЛЛЕР и Ф. Н. МОМДЖЯН	277
Мария Гавриловна. Инсульт. Дядя Егор. Лето и осень 1968-го	279
Год 1969-й. Париж. Замки Луары	283
В процессе работы над докторской. 1970–72	285
Флоренция. 1971-й	292
Защита диссертации. VII Международный эстетический конгресс. Бухарест	296

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

Три последних десятилетия XX века. Еще не вечер

Глава 1. НА РУБЕЖЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

1974 год. Смерть мамы.....	300
На ответственных постах. В ИПК МГУ. Встреча через 25 лет.....	305
На зарубежных форумах в Пезаро и Дармштадте. 1976-й.....	309
Пожар в Крыжовке. Дети.	
Выбор пути: успехи, срывы, преодоление	318

Глава 2. ПОСЛЕДНЕЕ СОВЕТСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. 1980–1990

Кончина АЛЕКСАНДРОВСКОЙ	327
Пять месяцев в Ленинграде.	
Сентябрь 1980-го — январь 1981-го.....	332

Координационный совет по эстетике. АКМЕ	339
Научная жизнь и околонаучные провокации. Сорванная защита.....	342
Минский эстетический форум-1988. Последний!	350

Глава 3. ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Заслуженный триумф	352
БелГАМ. Кафедра философии. А. Ф. РОЩУПКИН	354
Дмитрий Иванович КУЗНЕЦОВ — сын ГРИНИНА	357
Последний год вместе	359

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ

На пороге третьего тысячелетия. Вечер. 1998–2015

Глава 1. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На кафедре философии. Под девизом Плутарха	370
Документально-театральный роман	374
Мне 75! Лешин тост.....	378

Глава 2. ДВЕ ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ 2002 года. ЗА ПУЛЬТОМ ВЕДЕРНИКОВ-МЛАДШИЙ

В Москву на «Хованщину»	382
«Борис Годунов» у стен Святогорья	383

Глава 3. КНИГА ОБ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС. ВРЕМЯ ПОДВОДИТЬ ИТОГИ

Презентации. В Музее театра и музыки	388
Время отъезда грядет! Предотъездная лихорадка	390

Глава 4. МЕЖДУ МИНСКОМ И МОСКВОЙ. 2004–2015

Место жительства — наукоград Обнинск. 2004–2005	397
Трехгорка — новая обитель. 2005–2015. Прощание с ЛУНДСТРЕМОМ	401
Учусь жить по-новому	403
Новые музыкальные впечатления и старые друзья	409
На пороге 80-летия. Есть еще порох в пороховницах	413

ЭПИЛОГ, или СЛОВО О ВНУКАХ

Крыжовка 1990–2005. Внуки маленькие	424
У памятника Пушкину	429
Москва. 2005–2015. Последнее десятилетие. Внуки взрослеющие	434

ПОСЛЕСЛОВИЕ	444
--------------------------	-----